

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ:

Только великое

Мыслитель, публицист, ритор

Быть может, поэзия Мережковского — не самая сильная сторона его многообразного творчества, но без лучших стихотворений этого признанного мэтра символизма трудно представить русскую лирику рубежа XIX—XX веков. Большая часть его стихотворений пронизана историко-культурными реминисценциями, мотивами скорби, философскими размышлениями. «Он в стихах мыслитель, публицист, ритор», — писал о Мережковском Валерий Брюсов.

Не потеряли своего значения критические работы Мережковского, где осмыслиются великие литературные традиции XIX века. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, Чаадаев, Г. Успенский, Короленко, Чехов — вот далеко не полный перечень его «вечных спутников». Одним из них в течение всей жизни Мережковского был Иван Сергеевич Тургенев.

Впервые образ Тургенева возникает у критика на страницах знаменитой книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893 г.). Не подражаемый поэт русской природы, «волшебник слова», Тургенев близок Мережковскому тем, что «рядом с Фетом, Тютчевым, Полонским, Майковым он продолжил дело Пушкина, он раздвигал пре-

делы нашего русского понимания красоты, завоевал целые области еще неведомой чувствительности, открыл новые звуки, новые стороны русского языка».

В речи на Тургеневском вечере 19 февраля 1909 года Мережковский с присущей ему пронизательностью высветил новые черты творческого облика любимого писателя. Теперь он посчитал необходимым подчеркнуть прочную связь Тургенева с Западной Европой, увидел в нем «гения меры, и следовательно, гения культуры». Значение Тургенева, говорил Мережковский, стало особенно понятным после поражения первой русской революции 1905 года, в которой было слишком много «русской чрезмерности» и крайне мало «европейской культуры», то есть тургеневского начала. В перспективе неизбежных социально-политических потрясений Тургенев видится Мережковскому символическим явлением в судьбе России: «гений меры» есть спасительный противовес всякого рода экстремистским тенденциям, столь опасным в переходный исторический период. Мысль эта актуальна и сегодня: «Гордыня реакционная, которая противопоставляет Россию Европе, в самодержавии, православии, народности, и обратная, но не менее страшная гордыня революционная, которая отрицает религиозную культуру народа, его живую историю, живую плоть, хочет все смести, разрушить, чтобы строить сызнова на голом месте, — вот две грозящие нам погибели. От этих-то двух погубителей и спасает нас религиозное смирение Тургенева перед святейшей европейской культуры».

Ранний очерк «Памяти Тургенева» (1893 г.), не включенный автором ни в одну из его книг, существенно дополняет наши представления о том, как начиналась в творчестве Мережковского тургеневская тема. Некоторые наблюдения, как видим, получают свое дальнейшее развитие, но, быть может, самое главное в нем — мысль о народности Тургенева и о том неограниченном вкладе, который был внесен им в дело освобождения русского крестьянства.

Главное

Доброе, злое, ничтожное,
славное,
Может быть, это все пустяки,
А самое главное, самое главное,
То, что страшной даже
смертной тоски,
Грубость духа,
грубость материи,
Грубость жизни,
любви — всего.
Грубость зверухи родной,
эсэсэри,—
Грубость, дикость — и в них
торжество.
Может быть, все разрешится,
развяжется!
Господи, воли не знаю твоей,
Где же судить мне!
А все-таки кажется,
Можно бы мир создать
понежней.

Памяти Тургенева

Сегодня десять лет со дня смерти Тургенева. Десять лет!.. Какая маленькая волна в том бесконечном приливе и отливе, которые мы называем временем!

А между тем сколько памятников, воздвигнутых, казалось, для вечности, успело рушиться, сколько побед отзвучало, сколько торжественных венков облетело!

Да, у Времени есть своя насмешливость — и очень справедливая. Ничтожное делается еще более ничтожным, только великое во времени растет.

Так с каждым годом растет образ Тургенева, становится все выше и выше, светлее и светлее.

Посмотрите на портрет Тургенева. Вот лицо коренного русского человека. Глаза с тонким умом и нежною, русскою печалью, добрые, мудрые и грустные морщины, — это лицо старого русского крестьянина, только обогороженное и утонченное высокою культурой. Тургенев был и по своему духу коренной русский человек. Разве с безукоризненным совершенством, доступным кроме него, может быть, одному только Пушкину, он не владел гением русского языка? Разве смех его не самобытный, не подражаемый, народный смех? Разве он не знал всех наших глубоко скрытых недостатков и не любил и не понимал той русской красоты, которая доступна только людям,

Публикацию
подготовил
Сергей ПОВАРЦОВ.

14

растет во времени

связанным с народом плотью и кровью, сердцем и духом?

А между тем этот коренной русский человек — величайший западник. Тургенев любил Запад и его великую многовековую культуру не холодной теоретической любовью, а всем существом своим, с ревнивой и пламенной страстностью. Он так умеет преклоняться перед каждым прекрасным и могучим явлением всемирно-человеческого духа, как немногие русские писатели, и в этом отношении он остается верным завету другого великого и не менее коренного русского человека — Пушкина. Тургенев — этот «славянский гигант», как называл его Флобер, понявший и оценивший в нем глубокую, неподражаемую народную самобытность, — Тургенев — истинный европеец, одно из самых крепких и драгоценных звеньев той великой цепи, которая связывает нас, русских, с жизнью человечества. Он один из первых открыл удивленному Западу всю глубину, всю прелесть и силу русского духа.

Противоположность, которая составляет донные неразрешенный, трагический узел нашей истории, противоположность западной культуры и русской самобытности, превращается в его душе в гармонию, в стройное и неразрывное сочетание.

Тургенев — эстетик. Он ненавидит грубо-утилитарную теорию в искусстве. Он верит в красоту, верит и исповедует ее перед самыми ожесточенными врагами и хулителями. Он не стыдится, как многие русские писатели. Вселенная представляется ему прежде всего бесконечной красотой. За это испо-

ведание, за эту искренность слишком смелого и независимого художника он потерпел немало жестоких гонений. Но десять лет прошло со дня его смерти, и что осталось от этих гонений, что осталось от его врагов? «Самодовольный, бесстрастный эпикуреец», «эстетик», поклонник чистого искусства имеет право на сердечную благодарность русского народа. Недаром Тургенев участвовал одним из своих лучших созданий в неизгладимо-прекрасном, и плодотворном подвиге, совершенном интеллигенцией во имя народа, — в освобождении крестьян. Красота не мешала ему любить народ и делать благо. Он любил народ, прежде всего, потому, что сам вышел из глубины народного духа; он любил народ, как природу, как таинственную и грозную стихию, как великую и могучую красоту. И вот почему он питал такое непреодолимое отвращение к крепостному праву. Он ненавидел всякое рабство, как величайшее человеческое безобразие, как самое постыдное уродство; он ненавидел рабство и как художник, как эстетик...

В Тургеневе была еще третья великая противоположность — противоположность веры и знания. Ум его неумолимо-скептический. Поэт не закрывает глаза, не останавливается ни перед одним из самых безнадежных выводов современного знания. Он не возмущается против «научной науки» подобно Л. Толстому; не ищет от нее успокоения в мистицизме прошлых веков, подобно Достоевскому, в красоте законченных форм жизни, подобно Гончарову. Разлагающий разум его проникает в страшную

сущность мира. А между тем сердце поэта, несмотря на все доводы разума, неутолимо жаждет чудесного и божественного. Мир — по выражению Ренана — представлялся ему — гигантским, многогранным и многоцветным алмазом, повешенным над бездной в черном вечном мраке. Тургенев не может забыть и не видеть этого мрака. Никто из поэтов с таким ужасом и возмущением не думал о смерти.

И вот сегодня исполнилось десять лет с того дня, как вечный мрак поглотил его, десять лет, как перестало биться это великое сердце, так любившее красоту мира и так ненавидевшее смерть.

Смерть совершила и над ним свое грозное дело. Теперь он знает загадку тайны, перед которой мысль его останавливалась с таким тяжелым и пытливым недоумением. Но где же тление? Где же прах? Где ужас смерти?

В эту годовщину мы празднуем еще одну победу человеческого духа над смертью и временем. Это — первые десять лет бессмертия Тургенева.

Разве он умер? Разве он не живой среди нас? Разве он нам не более друг, чем наши друзья? Разве он нам не более родной, чем наши родные?

Его вечно юные, благоуханные вымыслы действительнее, правдивее, чем тот лживый и недобрый сон, который мы называем современной действительностью.

Наше сердце бьется каждым трепетом его сердца, мы любим его любовью, мы плачем его слезами, мы живем его жизнью. Где же смерть?

Он вечно будет творить в живой

душе людей чудо красоты, чудо бессмертия! Он будет заставлять самых недоверчивых людей верить в невозможное, в чудесное, в недоступно-прекрасное, в то, чего нет и что в некотором смысле более действительно, чем все, что есть! Воистину этот мертвец более живой, чем тысячи и тысячи людей, проходящих по земле, как тени, которые только кажутся живыми!

«Театральная Газета», 1893 г.
№ 8, СПб, 22 августа.

● Д. Мережковский

15